

Книга 10-я.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

— Петроградъ, Стремянная ул., № 12, соб. домъ. — Изданіе П. П. Сойкина.

КЪ СВѢДѢНІЮ гг. АВТОРОВЪ.

Рукописи, присылаемые въ редакцію, должны быть написаны четко, на одной сторонѣ листа. На рукописи должны быть обозначены фамилія, адресъ автора и условія оплаты. При переводахъ необходимо прилагать оригиналь. Авторы и переводчики благоволятъ оставлять у себя копии своихъ произведеній, такъ какъ отвѣтственности за сохранность рукописей редакція ни въ какомъ случаѣ на себя не принимаетъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТЕРМОГЕНЪ. Разсказъ <i>А. Е. Зарина</i>	5
СТРАННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Разсказъ <i>Ричарда Дебиса</i> (съ 3 рис.).	25
ТРИ БРИЛЛІАНТА. Разсказъ <i>Фреда Уайта</i> (съ 4 рис.).	31
ФОЛЬВАРКЪ ЧЕРВОНЫЙ. Разсказъ <i>А. В. Барченко</i>	63
«ДОЧЬ ЛУНЫ». Японское сказаніе. Перев. <i>А. Цвѣтиновича</i> (съ 5 рис.).	97
Нѣсколько словъ къ читателю.—Сватовство.—Каменный кубокъ Будды.— Драгоцѣнная вѣтка съ горы Хореи.—Одежда изъ шкуркъ огненныхъ крысь.— Радужный камень съ шеи дракона.—Раковина въ гнѣздѣ ласточки.—Коро- левская охота.—Небесная одежда.—Состязаніе поэзій.	
УРОКЪ СЫЩИКУ. Разсказъ <i>П. Вудхауза</i> (съ 4 рис.).	131
КЛЯТВА. Разсказъ <i>Л. Помпейана</i>	160
АНДЖЕЛИНА. Разсказъ <i>Вильяма Фримана</i> (съ 3 рис.).	175
НЕОЖИДАННЫЙ ВЗРЫВЪ. Разсказъ <i>Д. Маклина</i> (съ 2 рис.).	185

ТРАМОГЕНЬ

Рассказ А. Е. Зарина

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Считаемъ долгомъ отлѣтить, что этотъ рассказъ былъ пріобрѣтенъ отъ автора и находился въ портфель редакціи задолго до примѣненія германцами удушливыхъ газовъ.

I.

— Вотъ, изволите ли видѣть,— въ раздраженіи сказалъ мнѣ командиръ второй роты.— Я его послалъ на батарею, чтобы онъ передалъ мое порученіе, а онъ встрѣтился тамъ съ какимъ-то офицеромъ, два часа провелъ съ нимъ въ бесѣдѣ о взрывчатыхъ веществахъ и, только уходя, вспомнилъ о моемъ порученіи. Помилуй Богъ, это не офицеръ, а одно недоразумѣніе!

Онъ сердито бросилъ окурокъ на пиробы и придавилъ его ногою. Я засмѣялся.

— Такъ оно и есть, Егоръ Степановичъ,— отвѣтилъ я.— Замѣтите, что онъ приватъ-доцентъ, готовится къ кафедрѣ и при этомъ химикъ.

— Ахъ, чортъ его деръ!— сердито буркнулъ капитанъ.— Здѣсь нужны не химики, а простые исполнительные офицеры. Вы ему, пожалуйста, внушите это, голубчикъ.

— Слушаю, только врядъ ли онъ меня даже разслышитъ.

— Ну повліяйте; держите его пестроже; гоняйте чаще.

— Слушаю,— повторилъ я и пошелъ къ своему взводу.

Разговоръ касался прапорщика запаса, Павла Дмитріевича Тригонова. Я былъ поручикомъ, командовалъ взводомъ, числялся кандидатомъ въ ротные,

а Тригоновъ былъ у меня младшимъ офицеромъ. Правда, онъ не былъ военный, даже по вышнему виду: маленькаго роста, близорукій, несмотря даже на очки, съ головою, ушедшей въ неподнятыя плечи, съ жиденькими волосами на бородѣ и усахъ, съ небольшою лысиной, хотя ему было всего 27 лѣтъ, и нѣжными бѣлыми руками. Свѣрая солдатская шинель висѣла на немъ болѣзненнымъ халатомъ, шапка то путалась между ногами спереди, то была сдвинута совсѣмъ назадъ, папача налѣзала совсѣмъ на уши. Передъ нами онъ всегда словно стѣснялся, а если нужно было командовать или разговаривать съ солдатами, то онъ, видимо, чувствовалъ себя совсѣмъ несчастнымъ: поправлялъ очки, кашлялъ, говорилъ каждому рядовому „вы“ и словно поддѣкивалъ слова.

Занимался онъ непрерывно, но все не военнымъ дѣломъ. То у него въ рукахъ записная книжка, и онъ что-то вычислялъ, исписывая ея странички. То книга, которую онъ читаетъ съ такой жадностью, какъ гимназистъ Шерлока Холмса, а если не ищетъ и не читаетъ, то сидитъ, съжившись въ комосъ, и глаза его разсѣяно блуждаютъ или сосредоточенно смотрятъ въ одну точку, а онъ, перебирая нѣжными пальцами

свою рѣдкую бородку, такъ погружается въ свои думы, что его надо было окликнуть два—три раза, прежде, чѣмъ онъ придетъ въ себя. Солдаты любили его по своему, но, какъ начальство, не признавали зовес, и, понятно, унтеръ-офицеръ имѣлъ въ глазахъ ихъ гораздо большее значеніе. Онъ былъ и храбръ, но по своему; вѣрнѣе, храбрость его была отъ разсѣянности и отъ сосредоточенныхъ мыслей. Однажды, когда насъ буквально засыпали шрапнелью и снарядами, и мы сидѣли въ окопахъ, не смѣя высунуть носа, онъ, погруженный въ свои мысли, одиноко сидѣлъ на совершенно открытомъ мѣстѣ подъ деревомъ. Когда адская стрѣльба стихла, и мы вылѣзли изъ окоповъ, то съ удивленіемъ увидели его спокойно сидящимъ съ записной книжкой и карандашемъ въ рукѣ. Я подбѣжалъ къ нему и окликнулъ.

— Павелъ Дмитріевичъ, вы живы?

Онъ не сразу отвлекся отъ своей работы, а потомъ поднялъ глаза и, испуганно вставая, спросилъ:

— Что? Я нуженъ?

Мы всѣ засмѣялись, а капитанъ только махнулъ рукою:

— Накакой снарядъ его не тронетъ!..

Къ сожалѣнію, онъ ошибся.

Случалось намъ ходить въ атаку, нашъ Тригоновъ не отставалъ отъ всѣхъ. Онъ обнажалъ свою пашку, оглядывался на своихъ солдатъ, дикимъ голосомъ кричалъ: „впередъ!“, даже бѣжалъ, даже кричалъ „ура“, но затѣмъ отдавался своимъ мыслямъ и въ самый разгаръ рукопашнаго боя я видалъ его спокойно стоящимъ въ позѣ задумавшагося Сократа.

Человѣка не передѣлаешь. Я видѣлъ въ немъ ученаго, увлекавшагося какими-то задачами, и оставлялъ его въ покоѣ. Какъ знать, можетъ быть, въ его головѣ зарождалось такое же великое открытіе, какъ атомистическая теорія Менделѣева. Ко всему онъ былъ великолѣпной души человѣкъ, мягкій, увлекающийся, всесторонне-образованный, и съ нимъ пріятно было

вести бесѣду, если только разговоръ не касался химіи. Тогда бѣда! Онъ сразу загорался и былъ способенъ въ окопахъ, среди рвущихся снарядовъ, забыть обо всемъ окружающемъ прочесть цѣлый курсъ органической или неорганической химіи. Одинъ разъ какъ-то въ разговорѣ упомянулъ кто-то о никришовой кислотѣ, и онъ тотчасъ прочелъ намъ цѣлую лекцію. Лицо его оживилось, глаза загорѣлись, и онъ, вѣроятно, думалъ, что импровизируетъ поэму.

Какъ бы то ни было, я лично любилъ и уважалъ Тригонова, солдаты его любили и не уважали, высшіе офицеры уважали и не любили. А Тригоновъ не замѣчалъ ничего окружающаго и жилъ со своими думами и записной книжкой, исполняя свои обязанности по мѣрѣ силъ. Понятно, если бы это было не на войнѣ, а въ строевой службѣ мирнаго времени, Тригоновъ былъ бы на безпрерывномъ замѣчаніи, подъ постоянными арестами и, вѣроятно, въ концѣ концовъ, изгнанъ со службы, какъ нигуда негодный офицеръ; но на войнѣ всякій человѣкъ дорогъ.

Я съ Тригоновымъ постоянно старался жить вмѣстѣ. Когда удавалось захватить какую-нибудь халупу, я непременно тащилъ его съ собою. Самъ о себѣ онъ бы не позаботился. Въ окопахъ также я помѣщалъ его въ своей каморкѣ, которую мой деньщикъ старался обставить всевозможными удобствами. Толстый слой соломы лежалъ на землѣ, и къ стѣнамъ были прислонены доски. Изъ досокъ или ящичковъ Анисимъ устраивалъ нѣчто вродѣ дивана, и всегда въ нашей желѣзной печуркѣ горѣли или торфъ, или дрова. Этотъ же Анисимъ съ особенной внимательностью относился къ Тригонову и часто говорилъ про него:

— Выросла борода и офицеръ въ нѣкоторомъ родѣ, а можно сказать, какъ ребенокъ. Не скажи ему: „Ваше благородіе, кушать пожалуйста“, такъ онъ цѣлыя сутки безъ ѣды просидитъ.

II.

Мы были за Стрыковымъ. Тамъ приходили непрерывные бои, покуда мы не отогнали нѣмцевъ. Нашъ полкъ былъ въ передовой линіи. Мы нѣсколько разъ ходили въ атаку и выбивали нѣмцевъ изъ окоповъ. Мой взводъ шелъ всегда впереди, и Тригоновъ всегда рядомъ со мною. Я ни разу не видалъ въ немъ смущенія или нерѣшительности, но не видалъ также, чтобы онъ хотя разъ нанесъ ударъ, и могу присягнуть, что на его душѣ не было ни одного убитаго, а на клинкѣ его шашки ни капли непріятельской крови. Шелъ онъ впередъ твердо, увлекая примѣромъ солдатъ, но въ бою не участвовалъ. „Если его оставить, такъ его разомъ забьютъ“,—говорили солдаты и всегда окружали его внимательной заботой.

Прошло не мало дней, и окончилсь тяжелые бои; нѣмцы отошли, и мы временно могли отдохнуть. Нашъ полкъ прошелъ черезъ Стрыково и расположился въ небольшой деревушкѣ. Миѣ удалось занять чистенькую маленькую халупу: въ одной половинѣ жилъ старикъ—крестьянинъ со своей женой и малымъ внукомъ, а другую половину занялъ я съ Тригоновымъ. Заняли мы ее вечеромъ, и Анисимъ тотчасъ угостилъ насъ великолѣпнымъ куринымъ бульономъ.

Сѣли мы его съ жадностью, потомъ сѣли курицу, стали пить чай, и тогда Тригоновъ вдругъ обратился ко миѣ:

— Такъ какъ на короткое время наступило затишье, то я попрошу васъ отлучить меня на пару дней въ Варшаву.

— Какъ?—спросилъ я.

— На пару дней въ Варшаву. Миѣ тамъ очень надо быть.

— Для чего? Все-таки сейчасъ еще горячее время.

На лицѣ Тригонова отразилось настойчивое.

— Вы простите, но миѣ совершенно необходимо. Я непременно долженъ

произвести нѣсколько опытовъ; тамъ у меня есть одинъ знакомый, а у него лабораторія.

— Батюшка, да какія же теперь лабораторіи!—воскликнулъ я.

— Все равно. Но что бы то ни стало, миѣ нужно два-три дня провести въ Варшавѣ. Я хотѣлъ бы проѣхать въ Петроградъ, но...

Я замахалъ руками.

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Капитанъ васъ не пуститъ, командиръ не пуститъ.

— Я такъ и думалъ. А въ Варшаву дня на два, на три это можете позволить и вы.

— Контрабандой...

— Это какъ знаете, но необходимо. Я чувствовалъ, что ему, дѣйстви-тельно, нужно для чего-то побывать въ Варшавѣ; нашему полку былъ данъ отдыхъ, и я рѣшилъ на свой страхъ отпустить Тригонова.

— Поѣзжайте,—сказалъ я.—Только, пожалуйста, не больше двухъ дней. Я, главное, боюсь, что мы отсюда уйдемъ, а вы по своей разсѣянности насъ не найдете.

Тригоновъ засмѣялся.

— Ну, это про мою разсѣянность легенды ходятъ, а когда миѣ нужно, я не забуду того, что должно сдѣлать: и дорогу найду, и васъ разыщу, хоть на днѣ моря.

— Тогда поѣзжайте. Только во всякомъ случаѣ поторопитесь.

— Я сегодня же и поѣду,—сказалъ онъ просто, вставая съ лавки.—Спасибо вамъ.

— Не стоитъ,—отвѣтилъ я, пожимающая его тонкую руку,—не лучше-ли вамъ отдохнуть и ѣхать на разсвѣтъ?

— Нѣтъ!

— Какъ знаете!—и я написалъ ему ордеръ съ порученіемъ.

Онъ торопливо надѣлъ полушубокъ, поверхъ его солдатскую шинель, опоясался шашкой, нахлобучилъ папаху, которая сразу обратила его въ маленькое чучело, и протянулъ миѣ руку.

— До свиданія!

— Всего хорошаго,—сказалъ я.— Кстати, Павелъ Дмитриевичъ, если не забудете, привезите мнѣ 500 папирозъ.

— 500 папирозъ,—повторилъ онъ.— Постараюсь не забыть.

Онъ засмѣялся дѣтскимъ смѣхомъ и вышелъ.

Искорѣ я услышалъ фырканье коня и затѣмъ топотъ копытъ у окошка. Тригоновъ уѣхалъ. Я остался одинъ въ тѣсной горелкѣ и невольно улыбнулся, подумавъ объ этомъ человѣкѣ.

Сидѣлъ онъ въ своей лабораторіи, занимался своей алхиміей, и вдругъ судьба вырвала его отъ реторты и колбъ и бросила на войну...

III.

Прошло три дня, а Тригоновъ не вернулся. Мы получили назначеніе выступить, сдѣлали переходъ въ тридцать верстъ и заняли приготовленные окопы. Видимо, нѣмцы приготовились снова къ наступленію, и мы готовились ихъ встрѣтить. А Тригонова все нѣтъ. Хорошо, что я догадался оставить записку о мѣстѣ нашего назначенія.

Только на пятый день объявился мой прапорщикъ. Былъ уже вечеръ, въ окопахъ было смертельно холодно; Анисимъ разжегъ желѣзку, я сунулъ ноги въ мѣшокъ, завернулся въ одѣяло и дремалъ на жесткой постѣли, устроенной изъ двухъ ящичковъ, когда вдругъ услышалъ голосъ:

— Вотъ и я!

Я тотчасъ же сѣлъ и увидѣлъ его. Маленькая фигура была вся занесена снѣгомъ. Очки запотѣли, и онъ походилъ на слѣпую сову. Войдя, онъ прежде всего осторожно поставилъ на землю какой-то свертокъ, завернутый въ одѣяло, потомъ снялъ панаху, шинель, протеръ очки, и я сразу увидѣлъ его разсѣянное добродушное лицо съ виноватой улыбкой на губахъ.

— Папирозы-то я позабылъ,—сказалъ онъ.

Я махнулъ только рукою.

— То-есть, не позабылъ, собственно; а мнѣ везти ихъ было очень неудобно. Со мной была вотъ эта поклажа.

И онъ указалъ на свертокъ.

— Это что же?

— Побѣда!—отвѣтилъ онъ.

— Отчего вы опоздали?—сказалъ я строго, желая показать, что его шутка неумѣстна. Онъ виновато улыбнулся.

— А я не замѣтилъ времени. Какъ сѣлъ за работу, такъ и не могъ очнуться. Я, вѣдь, и не спалъ, т. е. спалъ такъ, по нѣскольکو часовъ на стулѣ.

— Что же вы дѣлали?—спросилъ я.

— Ой, большое дѣло!—отвѣтилъ онъ.

Тѣмъ временемъ Анисимъ съ дѣловымъ видомъ принесъ чайникъ, наполненный снѣгомъ, и поставилъ на нашу желѣзку.

— Вы бы переобулись, ваше благородіе,—сказалъ онъ Тригонову и тотчасъ нагнулся и сталъ стаскивать съ него сапоги, потомъ досталъ валенки и съ заботливостью переобулъ Тригонова. Тотъ благодарно кивнулъ Анисиму.

Я смотрѣлъ на него, и мнѣ казалось, что на лицѣ его отражается какое-то особенное, новое выраженіе; какъ будто спокойствіе, какое-то горделивое сознание полного удовлетворенія. Раньше онъ былъ погруженъ въ задумчивость, а теперь, напротивъ, его глаза смотрѣли свѣтло и, пожалуй, весело. Вода закипѣла; я всталъ, заварилъ чай, и мы выпили по два стакана. Потомъ я сказалъ:

— Мы ждемъ нѣмцевъ, но ихъ до сихъ поръ нѣтъ, и пока что недурно хорошо выспаться.

Анисимъ уже приготовилъ подобіе ложа для Тригонова, досталъ его мѣшокъ и широкое одѣяло, толстое, какъ попона. Тригоновъ закутался и легъ.

Въ нашей душной ямѣ стало тепло. Я уже совсѣмъ засыпалъ, когда Тригоновъ вдругъ окликнулъ меня и взволнованно заговорилъ.

— Я не могу сегодня молчать. Вы знаете, я сдѣлалъ замѣчательное открытіе... по военной части. Вы знаете...—голосъ его выдавалъ волненіе; лицѣ его въ темнотѣ я не видѣлъ.—Если мы его примѣнимъ теперь на войнѣ, то нѣмцы не выдержатъ, и мы ихъ побѣдимъ только этой шуткой...

— Которую вы привезли съ собой?— сказалъ я.

— Вотъ, вотъ!

Въ моемъ вопросѣ была легкая насмѣшка, но Тригоновъ не разобралъ ея, и мнѣ стало совѣстно. Я зналъ, что его имя уже извѣстно наукѣ, и что онъ очень мало походитъ на шарлатана.

— Въ чемъ же ваше изобрѣтеніе?— спросилъ я.

— Видите ли, — оживленно говорилъ взволнованный Тригоновъ. — Я добылъ особое вещество въ жидкомъ видѣ, какъ вода... послѣ я, вѣроятно, сумѣю его сгустить, но теперь нѣтъ времени. Такъ вотъ. Если эту жидкость оставить на воздухѣ, то она начнетъ быстро улетучиваться. Замѣьте! — воскликнулъ онъ, — несмотря на холодъ, при 15° мороза, при 20!..

— Ядовитые газы?— спросилъ я.

— Нѣтъ, не то; совсѣмъ другое. Видите ли, по мѣрѣ того, какъ она улетучивается, она обладаетъ свойствомъ развивать тепло, неимоверное тепло. Могу сказать, увѣренно, что на окружности 12 сажней во всѣ стороны будетъ развиваться жаръ, а не тепло, который дойдетъ до 500°. Да, до пяти-сотъ! Ни одно живое существо не будетъ въ состояніи удержаться. Станетъ взрывать порохи, и если я, напримеръ, волю эту жидкость въ окопы, то раньше, чѣмъ разовьется температура до высшей точки, люди не выдержатъ и бросятся бѣжать во всѣ стороны. Я его называю термогеномъ.

Я даже приподнялся на своемъ мѣстѣ.

— Это не фантазія?

— Нѣтъ! Я давно объ этомъ думалъ, а здѣсь мысли мои прояснились. Я, такъ сказать, эмпирически открылъ это вещество, а потомъ— вотъ теперь— пріѣхалъ въ Варшаву, у меня тамъ есть знакомый докторъ Пяць, онъ извѣстный химикъ. Я попросилъ у него позволенія поработать въ его лабораторіи и добылъ это вещество. Опытъ я произвелъ у него, на огородѣ; понятно, въ лабораторіи нельзя было. И полный успѣхъ! Полный...

Онъ замолчалъ, а я былъ пораженъ. Дѣйствительно, это изобрѣтеніе было удивительно. Быстрая побѣда на нашей сторонѣ, если мы примѣнимъ это средство, но тутъ же у меня мелькнуло сомнѣніе.

— А какъ пересылать эту жидкость врагу?— спросилъ я.

Въ темнотѣ послышался вздохъ.

— Вотъ въ этомъ-то сейчасъ и задача! Если бы я былъ артиллеристомъ. Мнѣ, видите ли, кажется, что ее можно будетъ разливать въ снаряды. Снарядъ разорвется, и содержимое распылится вокругъ по землѣ...

— А если во время наполненія снарядовъ она прольется?

— Вотъ, вотъ!— онъ вздохнулъ.— Да и когда наливать будутъ, все-таки она будетъ улетучиваться. Въ такой атмосферѣ нельзя будетъ работать.

Я вздохнулъ тоже.

— Слѣдовательно, ваше изобрѣтеніе непримѣнимо.

— Я не знаю! Я съ собой привезъ двѣ бутылки и хочу сдѣлать опытъ. Изготавливать ее легко, сколько угодно, а эти бутылки я хочу пожертвовать.

— А гдѣ можно произвести вашъ опытъ?

— Пробраться къ пѣмцамъ,— сказалъ онъ просто.

— Ну, дорогой мой, это почти невозможно.

— Но я проберусь къ ихъ окопамъ и кину свои бутылки, онѣ разобьются, и я увижу, что изъ этого выйдетъ. А потомъ ужъ можно подумать, какъ посылать. Вѣдь затѣмъ у насъ и голова.

И онъ засмѣялся. Потомъ снова оживился и долго говорилъ о томъ, какъ пришелъ къ этой мысли, какими путями теоретически дошелъ до рѣшенія своей задачи, но въ его рѣчи было столько специальныхъ терминовъ, что я совершенно не смогъ ее усвоить и подъ его рѣчи крѣпко заснулъ.

На другое утро, когда мы сидѣли за чаемъ, я кивнулъ головою на свертокъ и спросилъ:

— Это?

— Вотъ-вотъ! — онъ подбѣжалъ и осторожно сталъ разворачивать свертокъ.

Двѣ бутылки изъ подъ кваса были тщательно завернуты въ солому, войлокъ и одѣяло. Онъ вынулъ ихъ и торжественно показалъ.

— Вотъ! А ихъ дѣйствіе я испытаю, во что бы то ни стало.

Глаза его блеснули. Я немного встревожился.

— Дорогой мой, эта штука очень опасна въ нашихъ окопахъ. Вообразите, что онѣ разобьются...

— Да,—сказалъ онъ,—тогда дѣло плохо; но я заверну ихъ со всевозможной тщательностью, а потомъ засуну въ уголь, подъ нашу ружьядь; авось Богъ помилуетъ.

И онъ улыбнулся дѣтской, ясной улыбкой.

Въ эту минуту раздался характерный трескъ рвущейся шрапнели.

— Вотъ, словно васъ дожидались! Кажется, начинается!—сказалъ я, вставая, и торопливо вышелъ изъ своей ямы.

Дѣйствительно, начиналось. Въ отдаленіи показался непріятель, и его густыя колонны двигались прямо на наши окопы. Въ то же время вдали гремѣли пушки, и надъ нами стала рваться шрапнель, а слѣдомъ посыпался и снаряды. Непріятель приближался. Мы допустили его на 300 шаговъ, когда раздалась команда, и линія нашихъ окоповъ сверкнула огнями.

— Стрѣльба пачками! — скомандовалъ я.

Залпъ слѣдовалъ за залпомъ; пулеметы затрещали, обливая ряды нѣмцевъ свинцовыми пулями, словно изъ лейки.

Градъ не выбиваетъ такъ поля, какъ нашъ огонь.

Ряды нѣмцевъ падали, какъ скошенные. Ихъ колонны дрогнули и отступили. Потомъ второй разъ они сдѣлали попытку подойти къ намъ и снова были отбиты нашимъ огнемъ. Они стояли къ своимъ окопамъ и залегли въ какой-нибудь тысячь шаговъ отъ насъ. Начался артиллерійскій бой. На насъ

тучей понеслись шрапнель и снаряды, и среди нихъ загудѣли, завили ихъ знаменитые чемоданы, несущіе ураганъ смерти.

Намъ приходилось тяжело. Изъ какого-то невидимаго мѣста насъ обстрѣливали особенно сильно.

Наши батареи не могли ихъ нащупать. Необходимо было высмотрѣть эту проклятую батарею, чтобы сшибить ее,—иначе хоть оставляй позицію; и у меня вдругъ мелькнула мысль испытать средство Тригонова. Я пошелъ къ своему капитану и сказалъ:

— Позвольте мнѣ, Егоръ Степановичъ, на развѣдку. Я найду эту батарею.

Капитанъ замоталъ головою.

— Вы? Да что вы! Для чего... Это надо послать солдата.

— Итъ; пойду я, и со мной Тригоновъ.

— Тригоновъ?—добродушный капитанъ даже всплеснулъ руками:—Милый мой, да вы обезумѣли! Буде же онъ къ чорту годится для такого дѣла? Посреди дороги остановится, уткнетъ палецъ въ лобъ и задумается. Какой! Придетъ въ нѣмецкій окопъ и тамъ сидеть. Развѣ онъ годится на какую-нибудь развѣдку.

— Будьте покойны, онъ пойдетъ за мною, и это будетъ его боевое крещеніе; мы съ нимъ, можетъ быть,—и я засмѣялся,—заставимъ замолчать батарею.

— Ну, ну,—сказалъ капитанъ, качая головою.—Вы, кажется, отъ этого самого химика и сами немножко того,—и онъ повертѣлъ пальцемъ около лба.

— Такъ я иду,—сказалъ я.

— Благослови васъ Богъ!—отвѣтилъ капитанъ.—Только осторожноенько, голубчикъ, и скрѣе.

— Слушаю...

Я быстро вернулся къ своему взводу, нашелъ Тригонова и сказалъ:

— Есть случай произвести вашъ опытъ.

— Какой?—спросилъ онъ быстро.

— А вотъ какой...—и я рассказалъ ему про взятое на себя порученіе.

Лицо Тригонова просіяло.

— Отлично! Значитъ, я съ вами?

— Да! И пойдемъ сейчасъ, берите бутылки.

— Одну вы, другую я...

— Хорошо.

Тригоновъ тотчасъ побѣжалъ въ землянку, а я осторожно высунулся, взявъ бинокль и постарался опредѣлить направление, откуда летѣли на насъ градомъ губительные снаряды. Тригоновъ вернулся съ двумя бутылками.

— Если мы ихъ разобьемъ по дороге, то для насъ онѣ безвредны; мы успѣемъ уйти,—сказалъ онъ.

— Лучше разобьемъ ихъ на той батарее,—сказалъ я, смѣясь;—пу, съ Богомъ!

IV.

Я передалъ команду унтеръ-офицеру, и мы съ Тригоновымъ осторожно вылѣзли изъ окоповъ. Насъ было отчетливо видно на снѣжной полянѣ, но мы быстро пробѣжали открытое пространство и скрылись за деревьями. Въ небольшой рощѣ. Я рѣшилъ итти этой рощею въ обходъ нѣмецкой позиціи, дожидаться сумерекъ и вечеромъ прокрасться въ томъ направленіи, въ которомъ, мнѣ казалось, находится губительная для насъ батарея. Мы двинулись.

Путь былъ тяжелый, кругомъ лежалъ огромными сугробами наваленный снѣгъ, и мы шли, погружаясь въ него иногда по поясъ. Надъ нами безвредно пролетали снаряды съ нѣмецкихъ и нашихъ батарей, и иногда жужжала совсѣмъ близко пуля, сшибая вѣтви у деревьевъ и сбрасывая съ нихъ хлопья снѣга. Мы медленно и неуклонно продвигались впередъ, не отдыхая ни на мгновение. Ружейная стрѣльба и рѣзкій трескъ нѣмецкаго пулемета помогали намъ опредѣлять положеніе нѣмецкихъ окоповъ, а гулкіе раскаты пушечныхъ выстрѣловъ вели насъ къ проклятой батарее. Каждую минуту мы опасались, что намъ встрѣтятся нѣмецкій дозоръ, и я все время держалъ руку у кобуры. Три-

гоновъ шелъ съ полной безпечностью и, время отъ времени, говорилъ:

— Только-бы намъ пробраться на ихъ батарею! Вотъ тамъ то вы и увидите дѣйствіе термогена. Воображаю, какой будетъ эффектъ!

И онъ вдругъ провалился въ снѣгъ до самыхъ плечи. Я помогъ ему выбраться и сказалъ:

— Эффектъ эффектомъ, а вы лучше идите за мною; я буду прокладывать дорогу.

Мы продолжали путь. Зимній день коротокъ; вышли мы послѣ полудня, и до сумерокъ оставалось нѣсколько часовъ, но они мнѣ казались вѣчностью.

— Здѣсь окопы,—вдругъ сказалъ Тригоновъ, и, дѣйствительно, совершенно ясно по одной линіи съ нами раздавались выстрѣлы нѣмецкихъ винтовокъ и рѣзкій трескъ ихъ пулеметовъ. Привычное ухо сразу отличаетъ частую дробь нашего пулемета отъ рѣзкихъ раскатовъ нѣмецкихъ.

Я жалѣлъ, что не взялъ съ собою бинокля, но и такъ, въ просвѣтѣ деревьевъ, я увидалъ клубы дыма, которые поднимались, словно паръ, надъ поверхностью снѣжной равнины.

— Держаться надо подальше,—сказалъ Тригоновъ,—того гляди, что провалишься къ нимъ въ окопы.

— Пу, имъ тутъ окапываться не для чего.—Наконецъ, надвинулись сумерки. Сперва сѣрые, они скоро сгустились, и ружейная пальба смолкла, только продолжали грохотать пушки.

Въ то же время мы выбрались изъ снѣжныхъ сугробовъ, отряхнули покрывавшій насъ снѣгъ и почувствовали подъ собою твердую дорогу.

— Теперь надо быть особенно осторожнымъ,—вполголоса проговорилъ я.—Они совсѣмъ близко.

И вдругъ, словно въ подтвержденіе моихъ словъ, почти подъ нашими ногами другъ за другомъ громыхнули три выстрѣла. Я вздрогнулъ и отшатнулся. Тригоновъ тихо засмѣяся.

— Они здѣсь, за пригоркомъ,—сказалъ онъ шепотомъ.—Ляжемъ и пополземъ.

Мы опустились на снѣгъ. Тригоновъ прижалъ къ себѣ бутылку и, словно ильвя на одномъ боку, поползъ, опираясь на правую руку. Я сунулъ свою бутылку за пазуху и поползъ на рукахъ.

Снова грянули пушки почти подъ нами. Мы удвоили осторожность. Какъ знать, можетъ быть, здѣсь обрывъ, и мы рискуемъ скатиться по снѣгу къ нѣмцамъ въ гости.

— Деревю! — сказалъ Тригоновъ.

Въ темнотѣ я увидѣлъ черный силуэтъ развѣсистаго дерева, на сучьяхъ котораго искрился снѣгъ, словно на убранной рождественской елкѣ потухающіе огоньки. Мы подползли къ нему и встали на ноги.

— Бумъ, бумъ, бумъ! — снова раздался грохотъ пушекъ. Я выглянулъ изъ за дерева и, совсѣмъ близко, внизу подъ ногами, увидѣлъ неприятельскую батарею. Стволы пушекъ были подняты къверху, солдаты суетились около орудій и продолжали посылать въ наши окопы гибельные снаряды. Я сталъ высматривать расположеніе. Въ ложинѣ, прикрытая гребнемъ холма и кустарникомъ, стояло шесть орудій; позади нихъ, шагахъ въ тридцати, прямымъ рядомъ стояли зарядные ящики и подлѣ нихъ запряженные кони, а въ серединѣ горѣли костры.

— Отсюда не докинуть, — съ сожалѣніемъ сказалъ Тригоновъ.

Я быстро сообразилъ. Нѣтъ никого остерегающаго батарею; всѣ заняты работой, и мы могли обойти батарею со стороны, гдѣ стояли зарядные ящики, и оттуда бросить бутылки.

— А какъ ихъ разбить?

— Просто бросимъ въ ящики!

— Онѣ разобьются со звономъ, и насъ тотчасъ схватятъ, — сказалъ я.

— Нѣтъ; что значитъ среди этого грохота стукъ разбитой бутылки? Даже не услышатъ.

— Пожалуй, — согласился я. — Тогда полземъ.

Мы проползли по краю оврага, потомъ опустили ноги и неслышно по снѣгу скатились внизъ, въ узкую лож-

бину. Теперь совсѣмъ рядомъ съ нами стояли лошади, а дальше ящики. Мы прошли нѣсколько сажени.

— Здѣсь кидать, — сказалъ Тригоновъ и поднялъ свою бутылку.

— Только смотрите, — сказалъ я, — чтобы она разбилась.

— Я-то ужъ знаю! — проговорилъ онъ и взмахнулъ рукою.

Бутылка полетѣла, ударилась о колесо и разблалась съ легкимъ звономъ. Дѣйствительно, въ сравненіи съ грохотомъ выстрѣловъ этотъ шумъ былъ слишкомъ ничтоженъ. Я въ свою очередь размахнулся бутылкою и кинулъ ее въ другой ящикъ. Она также ударилась и разбилась.

— А теперь слѣдите, — сказалъ Тригоновъ, — только лучше намъ отсюда убраться. Сейчасъ станутъ взрывать эти ящики.

Его голосъ прозвучалъ такой увѣренностью, что меня охватилъ страхъ.

— Идемъ скорѣе! — сказалъ я, и мы поспѣшно двинулись назадъ.

Вползати по склону было тяжело. Ноги скользили, снѣгъ обваливался, и мы, поднявшись къверху, снова скатывались внизъ. Потъ катился съ насъ градомъ и тутъ же замерзалъ на усахъ, бородахъ, рѣсницахъ. Наконецъ, мы осилили подъемъ и влѣзли.

— Чувствуете? — съ торжествомъ спросилъ Тригоновъ.

Я съ удивленіемъ почувствовалъ, какъ тепло вдругъ коснулось моей щеки, словно до насъ донесся жаркій июльскій вѣтеръ; и въ то же время растаяли ледяныя сосульки на усахъ и бородахъ.

— Начинается, — сказалъ Тригоновъ и тихо засмѣялся.

— Бумъ, бумъ, бумъ, — гремѣли пушки одна за другой.

— Сейчасъ пойдетъ другая стрѣльба, — сказалъ Тригоновъ; — идемте скорѣе прочь.

Я прибавилъ шагу, Тригоновъ шель за мною. Мы шли по откосу и уже сравнялись съ передней частью батареи, какъ вдругъ раздался оглушительный взрывъ.

— Я говорил!—въ дикомъ восторгѣ закричалъ Тригоновъ.

V.

Слова его оправдались. Раздался такой грохотъ, словно залпъ изъ ста пушекъ. Это взорвался первый зарядный ящикъ. Снаряды лопались и трещали, пращель съ визгомъ разлеталась на куски. Пушки смолкли, но вмѣсто ихъ другъ за другомъ взрывались зарядные ящики. Словно гремѣли сотни батарей. Въ брызгахъ вылетающаго огня мы увидѣли смятенныхъ людей, которые кидались во всѣ стороны. Сорвавшіеся съ коновязей кони съ дикимъ ревомъ пронеслись по снѣжной равнинѣ и скрылись вдаль, а восемнадцать ящиковъ рвались съ невѣроятнымъ грохотомъ, и во всѣ стороны съ визгомъ и шипѣніемъ летѣли осколки и пули разорвавшихся снарядовъ.

— Бѣжимъ!—крикнулъ я, пораженный видѣннымъ.

— Я говорил!—съ восторгомъ кричалъ Тригоновъ,—Мой термогенъ побѣдитъ!

— Бѣжимъ!—повторилъ я.

Грохотъ отъ взрыва снарядовъ продолжался. Казалось, окрестности охватили землетрясеніе: стрѣляли десятки батарей, изъ разъяренаго вулкана выбрасывались громадные камни, тряслась земля. Паническій ужасъ охватилъ меня среди этой ночи при грохотѣ непрерывныхъ взрывовъ, подъ свистомъ смертоносныхъ пуль.

— Ой!—вдругъ услышалъ я тихій крикъ и въ то же мгновеніе увидѣлъ, какъ Тригоновъ тяжело опустился на снѣгъ. Я нагнулся къ нему.

— Милый, что съ вами?

— Раненъ,—сказалъ онъ.

— Встаньте, идемъ...

— Не могу,—проговорилъ онъ.

Я напрягъ всѣ усилія и приподнял его. Голова его безсильно свѣсилась на грудь. Я растерялся на одно мгновеніе. Сдѣлать перевязку,—но было темно; распахнуть его шинель, снять полушубокъ, было некогда. Я на-

клонился, взвалилъ его себѣ на спину и тихо пошелъ по тяжелой снѣжной дорогѣ. Ноги мои скользили, я увязалъ въ снѣгу, обливался потомъ и, то и дѣло, опускалъ на землю несчастнаго Тригонова и съ усиленіемъ переводилъ духъ, а выстрѣлы все еще гремѣли; смутно доносились до меня крики растерявшихся людей. Въ нѣмецкомъ лагерѣ царило смятеніе. Я снова поднималъ Тригонова на спину и снова тащилъ его по сугробамъ снѣга, изнемогая отъ усталости. Взошла луна и освѣтила все пространство. Я опустилъ Тригонова и посмотрѣлъ на его лицо: оно было блѣдно, какъ снѣгъ. Полузакрытые глаза остеклянились; изъ полуоткрытаго рта тонкой струей текла кровь. Я положилъ его на снѣгъ и осмотрѣлъ руки, лицо, грудь, животъ, ноги, но не увидалъ раны. Тогда я повернулъ его спиной къверху и увидалъ возлѣ правой лопатки въ ключья разорваннаго шинель и полушубокъ. Кровь большимъ сгусткомъ замерзла по краямъ огромнаго отверстия. Очевидно, случайный осколокъ снаряда ударилъ его въ спину и въ одно мгновеніе пресѣкъ его жизнь. Я снова поднималъ его похолодѣвшій трупъ и пошелъ тяжелой дорогой. Мнѣ казалось, что я изнемогу и погибну среди этихъ сугробовъ, замерзну отъ холода въ эту свѣтлую ночь. Но Богъ спасъ. Луна описала дугу и стала опускаться къ горизонту; надвинулась предразсвѣтная тьма, и звѣзды ярко выступили на небо, когда я, наконецъ, добрался до послѣднихъ деревьевъ перелѣска и увидалъ гряду нашихъ окоповъ. Я сдѣлалъ послѣдній привалъ. Снова опустилъ трупъ на снѣгъ и самъ прилегъ подлѣ него. Усталость охватила мои члены, голова склонилась на грудь, но я побѣдилъ сонливость, поднялся, снова взвалилъ на плечи печальную ношу и, наконецъ, дошелъ до нашихъ окоповъ.

— Кто идетъ?—спросилъ часовой.

— Свой!—отвѣтилъ я и, обезсиленный, опустился на снѣгъ вмѣстѣ съ трупомъ.

Солдаты выбѣжали изъ окоповъ. Анисимъ наклонился надо мной. Я на мгновеніе потерялъ сознание и очнулся только въ своей землянкѣ.

Анисимъ растиралъ мою грудь су-конкой; жарко горѣла желѣзная печка, и на ней шумѣла въ чайникѣ вода...

— Гдѣ прапорщикъ?—спросилъ я.

— Мы его тамъ оставили, чтобы не оттаялъ, — отвѣтилъ Анисимъ, — какъ есть на смерть. Въ спину...

Его голось задрожало.

— Да, убить,—сказалъ я съ тяжелой грустью.

VI.

Часъ спустя я былъ у капитана и доложилъ ему о нашей развѣдкѣ.

— Могу увѣрить васъ, что вредной для насъ батареи больше нѣтъ, она вся разметена.

— Какъ?—спросилъ капитанъ съ изумленіемъ.

Я рассказалъ ему, что мы сдѣлали и чему я былъ свидѣтелемъ.

— То-то мы слышали чортову пальбу, а снаряды не падали,—сказалъ капитанъ и потомъ вдругъ воскликнулъ:— но въѣдъ это чудо изъ чудесъ! И онъ это выдумалъ?

— Онъ это выдумалъ,—повторилъ я,—а теперь убить.

— Убить?—капитанъ широко перекрестился.—Вотъ и здѣсь недоразумѣніе,—сказалъ онъ, качая головою.—Химикъ, а для войны оказался первый человекъ. Надо доложить командиру.

Мы прошли вмѣстѣ въ небольшую дереушку, что находилась позади окоповъ, и проснувшійся генералъ внимательно выслушалъ мое донесеніе.

— Это прапорщикъ запаса Тригоновъ?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ я.

— Тригоновъ... Миѣ говорили о немъ; онъ химикъ. Что же, на-смерть?

— На-смерть, — отвѣтилъ я.—Осколокъ снаряда ударилъ его въ спину.

Генералъ перекрестился.

— А его изобрѣтеніе, этотъ составъ?...

— Я ничего не знаю,—отвѣтилъ я.— Вѣроятно, его изобрѣтеніе погибло съ нимъ вмѣстѣ.

— Это будетъ очень печально,—сказалъ генералъ.

Я промолчалъ.

На утро мы подняли трупъ Тригонова. Докторъ осмотрѣлъ его. Осколокъ бомбы пробилъ ему спину и глубоко ушелъ внутрь.

— Вѣроятно,—сказалъ докторъ,— у него внутри все перебито.

Мы завернули его въ одѣяло и торжественно похоронили позади окоповъ. Солдаты набожно молились подлѣ его могилы и, словно уважая торжественную минуту, нѣмецкія батареи смущенно молчали только изрѣдка щелкали ружейные выстрѣлы.

Тригоновъ былъ убитъ, и съ нимъ вмѣстѣ погибло его замѣчательное изобрѣтеніе.

Отъ дивизионнаго генерала пріѣхалъ адъютантъ вмѣстѣ съ артиллерійскимъ полковникомъ. Они забрали съ собою все записки Тригонова; артиллерійскій полковникъ разспрашивалъ меня, не говорилъ ли онъ что-нибудь о своемъ изобрѣтеніи, и я долженъ былъ отвѣтить, что ничего не знаю. Миѣ было больно и стыдно, что въ ту ночь я не направилъ своего вниманія и не запомнилъ ничего изъ его разказа о томъ, какъ путемъ онъ дошелъ до своего открытія.

Миръ праху его! Онъ былъ необыкновенный человекъ...

Послѣ я узналъ, что особая комиссія ѣздила въ Варшаву, въ лабораторію Пяца, но не нашла тамъ никакихъ слѣдовъ великаго открытія, также какъ никакихъ указаній въ запискахъ Тригонова.

Его великое изобрѣтеніе пропало, но вѣроятно, если онъ думалъ объ этомъ, то въ томъ же направленіи сейчасъ думаетъ не одинъ химикъ и специалистъ; быть можетъ, ктонибудь уже приближается къ разрѣшенію той же задачи, которую такъ усиленно рѣшилъ Тригоновъ...